НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ

Оригинальная статья
УДК 303.4:332.135

Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России

С. А. Кожевников
Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия
kozhevnikov_sa@bk.ru; https://orcid.org/0000-0001-9063-6587

Аннотация: Нереализованный потенциал межрегионального и межмуниципального взаимодействия в Стратегии пространственного развития РФ до 2025 г. рассматривается в качестве одной из ключевых проблем пространственного развития страны. Вместе с тем обеспечение пространственной интеграции предполагает необходимость научного обоснования приоритетов и инструментов, направленных на консолидацию потенциала как участников взаимодействия, так и различного рода мест. Данная проблематика является особенно актуальной для северных территорий, которые составляют 2/3 площади страны. Цель работы – обоснование стратегических приоритетов и инструментария обеспечения пространственной интеграции северных регионов. Для ее достижения были решены задачи: выявить сущность и предпосылки пространственной интеграции регионов; проанализировать институционально-правовое и инструментальное обеспечение стратегирования пространственной интеграции Европейского Севера России; обосновать стратегические приоритеты и инструменты интеграции, направленные на раскрытие конкурентных преимуществ различного рода мест и восстановление связей по линии «город-село». Исследование базируется на положениях теории и методологии стратегирования академика РАН В. Л. Квинта. В работе были использованы монографический, компаративный методы; проведен анализ документов стратегического планирования, нормативно-правовых актов, отчетов о деятельности институтов развития. Выявлено, что пространственная интеграция обеспечивается за счет углубления социально-экономической связности регионов. Обосновано, что регионы Европейского Севера России имеют объективные предпосылки для интеграции, однако одним из ключевых барьеров является «бедность» институционально-правового и инструментального обеспечения данных процессов. Обоснованы стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов, подкрепленные конкурентными преимуществами: создание центра проектирования вертикальной интеграции, деятельность которого направлена на развитие межрегиональных цепочек создания добавленной стоимости; идентификация и стратегирование регионально-отраслевых приоритетов развития опорных населенных пунктов, являющихся точками локализации звеньев таких цепочек; развитие межмуниципального сотрудничества по линии «город-село» для вовлечения потенциала глубинных территорий. Перспективы исследования видятся в обосновании мероприятий по имплементации данных приоритетов в систему стратегирования на федеральном и макрорегиональном уровнях.

Ключевые слова: пространственная интеграция, стратегирование, межрегиональное сотрудничество, северные регионы, конкурентные преимущества, полицентризм

Цитирование: Кожевников С. А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1. С. 56–74. https://doi.org/10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74

Поступила в редакцию 10.09.2024. Прошла рецензирование 17.10.2024. Принята к печати 10.12.2024.

© 2025. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74

СТРАТЕГИРОВАНИЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
2025. Том 5. № 1

original article

Strategic Priorities and Tools for Spatial Integration of Russia's European North

Sergei A. Kozhevnikov
Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia
kozhevnikov_sa@bk.ru; https://orcid.org/0000-0001-9063-6587

Abstract: The Strategy of Spatial Development of the Russian Federation through 2025 failed to realize the potential of interregional and intermunicipal interaction, which makes it a key problem of the country's spatial development. Spatial integration implies a scientific approach to the priorities and tools that would consolidate the potential of stakeholders and regions. This issue is especially relevant for the Northern territories, which make up two-thirds of Russia's total area. To substantiate strategic priorities and tools of spatial integration, the author identified the essence and prerequisites for spatial integration of Russia's European North, as well as analyzed the institutional, legal, and instrumental support for strategizing its spatial integration. The strategic priorities and tools in question are aimed at revealing the competitive advantages of each region and restoring the bond between urban and rural areas. The study relied on the theory and methodology of strategizing developed by Professor Vladimir L. Kvint. Using the monographic and comparative methods, the author analyzed strategic planning documents, regulatory legal acts, and reports made by development institutions. The spatial integration is currently provided by deepening the socio-economic unity of the regions. Russia's European North has obvious prerequisites for integration, but the poor institutional, legal, and instrumental support remains the key obstacle. A vertical integration design center should be organized to develop the interregional value chains. Cities are the nods in these integration chain: their regional and industrial priorities are to be identified and strategized. A stronger inter-municipal cooperation between rural and urban areas will make it possible to activate the potential of remote territories. These measures and priorities should be implemented in the federal and macroregional strategy systems.
Keywords: spatial integration, strategizing, interregional cooperation, northern regions, competitive advantages, polycentrism

Citation: Kozhevnikov SA. Strategic Priorities and Tools for Spatial Integration of Russia's European North. Strategizing: Theory and Practice. 2025;5(1):56–74. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74

Received 10 September 2024. Reviewed 17 October 2024. Accepted 10 December 2024.

确保俄罗斯北部地区空间一体化的战略优先事项和工具包

谢尔盖•亚历山大罗维奇•科热夫尼科夫
俄罗斯科学院沃洛格达科学中心，俄罗斯沃洛格达
kozhevnikov_sa@bk.ru; https://orcid.org/0000-0001-9063-6587

摘要：在《俄罗斯联邦2025 年前空间发展战略》中，区域间和城市间互动潜力的远未发挥被视为国家空间发展的关键问题之一。同时，确保空间一体化意味着需要科学地确定优先事项和工具，以整合互动参与者和地方的潜力。这一问题对于占全国面积三分之二的北部地区尤为重要。这项工作的目的是确定战略优先事项和工具包，确保北部地区的空间一体化。为此，我们完成了以下任务：确定地区空间一体化的本质和前提条件；分析俄罗斯的欧洲北部地区空间一体化战略的制度、

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74

法律和工具支持；论证了一体化的战略优先事项和工具，旨在揭示不同地方的竞争优势，恢复城乡联系。研究以俄罗斯科学院院士 V.L. 昆特的战略化理论和方法论为基础。工作中使用了专题研究和比较方法；分析了战略规划文件、条例、发展机构的工作报告。研究结果表明，空间一体化是通过深化各地区的区域社会经济连通性来实现的。研究证明，俄罗斯的欧洲北部地区具备一体化的客观前提条件，但主要障碍之一是这些进程在制度、法律和工具支持方面的 “匮乏” 。文章论述了确保北部地区在竞争优势支持下实现空间一体化的战略优先事项和工具： 建立垂直一体化设计中心，其活动旨在发展地区间增值链；确定并战略化核心居住区发展的区域和产业优先事项，这些关键定居点是这些增值链中各环节的定位点；在城乡融合基础上发展城市间合作，挖掘边远地区潜力。研究的前景在于，为在联邦和宏观地区层面的战略规划体系中落实这些优先事项的措施提供理论依据。

关键词：空间一体化、战略化、区域间合作、北部地区、竞争优势、多中心主义

编辑部 于2024 年 9 月 10 日收到论文，2024 年 10 月 17 日审阅完毕，2024 年 12 月 10 日接受发表。

ВВЕДЕНИЕ

Для России как самой большой по площади территории страны в мире проблема обеспечения единства экономического пространства находится в числе приоритетных. В частности, в Стратегии национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400), являющейся одним из верхнеуровневых и ключевых документов стратегического планирования федерального уровня, укрепление единства экономического пространства России, развитие кооперации и хозяйственных связей между субъектами РФ рассматривается в качестве условия обеспечения экономической безопасности страны. Непосредственно в самой Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года (утв. указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208) в числе целевых показателей обозначен уровень экономической интеграции субъектов РФ, однако, к сожалению, непосредственно целевого значения и методики его расчета не представлено. Особенно острыми проблемами эффективного использования пространства как эндогенного фактора развития являются в условиях беспрецедентного геополитического противостояния, в котором оказалась Россия после 24 февраля 2022 года. Как свидетельствуют исследования и успешный мировой опыт, эндогенная модель развития опирается на использование потенциала внутреннего рынка, формирование новых полюсов роста за пределами крупнейших городских агломераций[1,2,3], обеспечение транспортной доступности удаленных территорий[4], возрождение на инновационной основе социально-экономических связей по линии «город-село»[5,6], как необходимого условия пространственной интеграции на внутрирегиональном уровне. Значительная часть данных приоритетов нашла отражение и в обсуждаемой в настоящее время Концепции Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года[7].

[1] Polycentric urban development and its determinants in China: a geospatial big data perspective / L. Yongqiang [et al.] // Geographical Analysis. 2021. Vol. 53. P. 520–542. https://doi.org/10.1111/gean.12236

[2] Meijers E., Waterhout B., Zonneveld W. Polycentric development policies in European countries: an introduction // Built Environment. 2005. Vol. 31. P. 97–102. https://doi.org/10.2148/benv.31.2.97.66255

[3] Concept of polycentricity-the differences between development policies and spatial reality / V. Živanović [et al.] // Journal of the Geographical Institute “Jovan Cvijić” SASA. 2021. Vol. 71. № 1. P. 75–90. https://doi.org/10.2298/IJGI2101075Z

[4] Panagiotopoulos G., Kaliampakos D. Accessibility and spatial inequalities in Greece // Applied Spatial Analysis and Policy. 2019. Vol. 12. № 3. P. 1–20. https://doi.org/10.1007/s12061-018-9256-8

[5] Networking of small cities to gain sustainability / Z. Mingaleva [et al.] // Entrepreneurship and Sustainability. 2017. Vol. 5. № 1. P. 140–156. https://doi.org/10.9770/jesi.2017.5.1(12)

[6] Peripheralisation of small towns in Germany and Japan – dealing with economic decline and population loss / P. Wirth [et al.] // Journal of Rural Studies. 2016. Vol. 47. P. 62–75. https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2016.07.021

[7] Концепция Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года // Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/85fb48440f79df778539e0b215af5345/koncepciya_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda.pdf (дата обращения: 03.10.2024).

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74

Задача обеспечения пространственной интеграции актуализирует необходимость научно обоснованного подхода к разработке и реализации стратегии, ориентированной на согласование ценностей, интересов и приоритетов развития всех экономических агентов (государства, бизнеса, населения), разработку целевых программ и проектов, которые позволят консолидировать и рационально использовать потенциал территорий. Однако, как будет показано далее, в настоящее время в России в сложившейся системе стратегирования данные аспекты практически не получили проработки.

Почти 2/3 площади территории России, в соответствии с действующим законодательством, относятся к зоне Севера и приравненным к ней местностям. Для данной широтной зоны, характеризующейся огромным природно-ресурсным, транзитным, геостратегическим и иным потенциалом, но при этом разреженностью / очаговым характером пространства, форсированными темпами его локационного сжатия, обеспечение пространственной интеграции как на внутри-, так и межрегиональном уровнях (в т. ч. по линии «север-юг») являются особенно важными. Эти обстоятельства обусловили актуальность представленной работы.

Цель исследования – обоснование стратегических приоритетов и инструментария обеспечения пространственной интеграции северных регионов.

Задачами исследования являются:
– выявить сущность и предпосылки обеспечения пространственной интеграции регионов России на меж- и внутрирегиональном уровнях;
– проанализировать институционально-правовое и инструментальное обеспечение стратегирования пространственной интеграции Европейского Севера России;
– обосновать стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России, направленные на раскрытие потенциала, конкурентных преимуществ различного рода мест и восстановление на инновационной основе социально-экономических связей по линии «город-село».

ОБЪЕКТЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объектом исследования являются северные регионы как открытые социально-экономические системы, имеющие пространственное измерение (на материалах Европейского Севера России[8], ЕСР).

Исследование сущности и предпосылок обеспечения пространственной интеграции базируется на использовании монографических, компаративных методов; анализ институционально-правового и инструментального обеспечения стратегирования пространственной интеграции Европейского Севера России основывается на анализе документов стратегического планирования, нормативно-правовых актов, отчетов о деятельности институтов развития федерального и макрорегионального уровней и др.

Предлагаемые автором стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России базируются на основных положениях теории и методологии стратегирования академика РАН Владимира Львовича Квинта[9,10,11] и представителей его научной школы[12,13,14,15,16].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Пространственная интеграция регионов: сущность и предпосылки обеспечения

Вопросы обеспечения пространственной интеграции регионов нашли свое отражение в работах ведущих отечественных и зарубежных исследователей. Вместе с тем однозначного понимания сущности и «родовых» признаков данной категории

[8] Европейский Север России в данной работе рассматривается в границах, которые закреплены в действующем Общероссийском классификаторе экономических регионов. ОК 024-95 (утв. Постановлением Госстандарта России от 27.12.1995 № 640) и включают в себя Архангельскую, Мурманскую, Вологодскую области, республики Коми и Карелия, Ненецкий автономный округ.

[9] Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. 170 с. https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2562-7

[10] Квинт В. Л. К анализу формирования стратегии как науки // Вестник ЦЭМИ. 2018. № 1. https://doi. org/10.33276/S0000121-6-1

[11] Квинт В. Л. Разработка стратегии: мониторинг и прогнозирование внутренней и внешней среды // Управленческое консультирование. 2015. Т. 79. № 7. С. 6–11.

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74

пока не сложилось: зачастую пространственная интеграция рассматривается в качестве синонима терминов «межрегиональное экономическое сотрудничество», «межрегиональная кооперация», «экономическая интеграция». Однако, на наш взгляд, она имеет более сложную природу, являясь пространственным выражением социальной интеграции в широком смысле этого слова, и включает в себя не только хозяйственно-производственный аспект взаимодействия регионов, но и сотрудничество в социальной, культурной, научной, инфраструктурной, инновационной и других сферах, ведущее к формированию новой пространственной социально-экономической системы[17] (рис. 1[18]).

Неслучайно в рамках политики ЕС и других европейских стран по обеспечению территориального сплочения и интеграции стали широко распространяться различные формы *«мягкого» территориального сотрудничества*. Основой такого сотрудничества может быть решение общих для них задач в части развития географических и иных объектов («структурирующие» объекты

Рис. 1. «Родовые» признаки пространственной интеграции регионов

Fig. 1. Spatial integration of regions: generic features

[12] Новикова И. В. Основные ошибки применения теории стратегии и методологии стратегирования В. Л. Квинта в научных исследованиях // Теория и практика стратегирования: V Международная научно-практическая конференция. Московский университариум стратега: сборник избранных научных статей: в 2 книгах, Москва, 17–18 февраля 2022 года. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова Издательский Дом, 2022. С. 40–43.

[13] Квинт В. Л., Новикова И. В., Алимурадов М. К. Согласованность глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами // Экономика и управление. 2021. Т. 27. № 11. С. 900–909. https://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-11-900-909

[14] Сасаев Н. И., Квинт В. Л. Стратегирование промышленного ядра национальной экономики // Экономика промышленности. 2024. № 17(3). С. 245–260. https://doi.org/10.17073/2072-1633-2024-3-1349

[15] Новикова И.В. Основные ошибки применения...

[16] Экономическая и финансовая стратегия / В. Л. Квинт [и др.]; под науч. ред. В. Л. Квинта. М.: Издательство Московского университета, 2024. 247 с.

[17] Кожевников С. А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3(573). С. 84–107. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107

[18] Составлено автором.

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74

и инфраструктура: реки, горы, озера, дороги, мосты и т. п.)[19].

Перечислим другие ключевые особенности такого рода взаимодействия:

1) основывается на ценностях, интересах и целях, которые, как правило, разделяются всеми субъектами конкретной территории;

2) имеет средне- и долгосрочную интеграционную перспективу, т. е. на практике не ограничивается реализацией одного проекта;

3) обеспечивает повышение потенциала вовлеченных в него участников;

4) характерна тенденция к «открытым» / «нечетким» границам, ориентация на расширение действующих игроков, что позволит укрепить сотрудничество для поддержки функциональных отношений и извлечения выгоды из сближения интересов;

5) имеет соответствующие рамки для диалога, координирующие деятельность участников[20].

При этом на практике сложились две модели планирования, управления и координации данных процессов: «сверху–вниз» («сверху» создаются структуры стратегирования, координации политики сотрудничающих территорий; например, венгерские советы регионального развития, французские территориальные полюса) и «снизу–вверх» (не создаются формальные структуры, все функции возлагаются на инициативы сторон на местах; заключаются соглашения между муниципалитетами; например, датские бизнес-регионы). Существуют различные механизмы финансирования сотрудничества. Это, прежде всего, софинансирование мероприятий партнерами (активно применяется в Швеции), членские взносы партнеров (зачастую первые две формы являются преобладающими), а также привлечение средств из других национальных (Ирландский специальный фонд) и наднациональных источников финансирования (фондов ЕС). При этом большинство проектов сотрудничества практически полностью финансируются за счет государственных средств[21].

На основе исследования теоретических основ и мирового опыта следует отметить, что Европейский Север России (ЕСР) имеет объективные предпосылки для обеспечения пространственной интеграции[22,23]. Во-первых, это географическое соседство субъектов ЕСР; во-вторых, наличие традиционных исторических, социальных, культурных связей между регионами (сформировавшийся здесь исторически единый историко-культурный регион – Русский Север), производственных связей в рамках общественного разделения труда (территориально-производственных комплексов (ТПК), сформировавшихся здесь еще в советское время: Северная угольно-металлургическая база, Тимано-Печорский, Кольско-Карельский ТПК); общая инфраструктура территорий (транспортная, энергетическая); необходимость поиска совместных решений в отношении проблем социально-экономического развития (в вопросах рационального природопользования и охраны окружающей среды; инфраструктурного развития и др.)[24]. Ряд этих вопросов нашел закрепление в соглашениях и договорах о межрегиональном сотрудничестве субъектов Европейского Севера России. Однако большая их часть в настоящее время носит довольно рамочный характер.

Вместе с тем, на наш взгляд, именно наличие развитой институционально-правовой среды и инструментального обеспечения являются необходимыми предпосылками для активизации процессов, обеспечивающих пространственную интеграцию Европейского Севера России. Следующий раздел посвящен более глубокому исследованию данного аспекта.

[19] Гнездова Ю. В. Мягкое территориальное сотрудничество: принципы и особенности // Цифровое пространство: экономика, управление, социум: сб. науч. стат. IV Всероссийской научной конференции. Смоленск, 2022. С. 36–41.

[20] ESPON ACTAREA: Thinking and planning in areas of territorial cooperation European Atlas of Soft Territorial Cooperation / Gløersen E. [et al.]. 2017.

[21] Там же.

[22] Кожевников С. А. Пространственная интеграция экономики…

[23] Фролов Д. П., Мирзоев Р. С., Горшкова Н. П. Институционализация межрегиональных взаимодействий в контексте пространственных трансформаций экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. Т. 7. № 8(101). С. 28–36.

[24] Лаженцев В. Н. Арктика и Север в контексте пространственного развития России // Экономика региона. 2021. Т. 17. № 3. С. 737–754. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-2

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74

Институционально-правовое и инструментальное обеспечение стратегирования пространственной интеграции Европейского Севера России: особенности и ограничения

Поскольку интеграция представляет собой управляемую кооперацию экономических агентов на общем поле хозяйственной деятельности, то важным является оценка наличия институционально-инструментального обеспечения интеграционных процессов, сформировавшегося «сверху» или «снизу». Это позволяет расширять и углублять интеграцию во всех сферах многомерного социально-экономического пространства.

Сложившаяся в России система стратегического и тактического управления социально-экономическим развитием субъектов РФ фактически представлена двумя уровнями: федеральным и региональным. На региональном уровне система построена по административно-территориальному принципу, что существенно ограничивает возможность использования инструментов обеспечения скоординированного развития нескольких субъектов РФ, практической реализации межрегиональных проектов.

При этом перечень и потенциал существующих институтов обеспечения межрегионального сотрудничества также весьма ограничен (рис. 2[25]).

Субъекты Европейского Севера России еще с начала 90-х гг. XX века входили в состав Ассоциации экономического взаимодействия «Северо-Запад», деятельность которой была направлена на координацию социально-экономической политики входящих в ее состав субъектов РФ, в т. ч. с учетом решения их общих проблем, поиска ответов на вызовы, связанные с шоковой либерализацией экономических отношений, нарастанием кризиса в экономике страны. Вместе с тем уже в начале 2000-х гг. роль таких ассоциаций как институтов горизонтальной координации и согласования инициатив регионов «снизу» существенно ослабла в связи с централизацией власти и формированием федеральных округов.

В дальнейшем функционал данной ассоциации взяла на себя ***АНО «Стратегическое партнёрство «Северо-Запад»***. Деятельность организации была направлена на содействие в реализации социально-экономической политики на территории СЗФО, повышение эффективности взаимодействия органов власти всех уровней, бизнес-структур, научных и общественных организаций при разработке и реализации межрегиональных инвестиционных и социальных программ / проектов. Вместе с тем анализ проектов, которые находились на стадии проработки, свидетельствует о том, что значительная

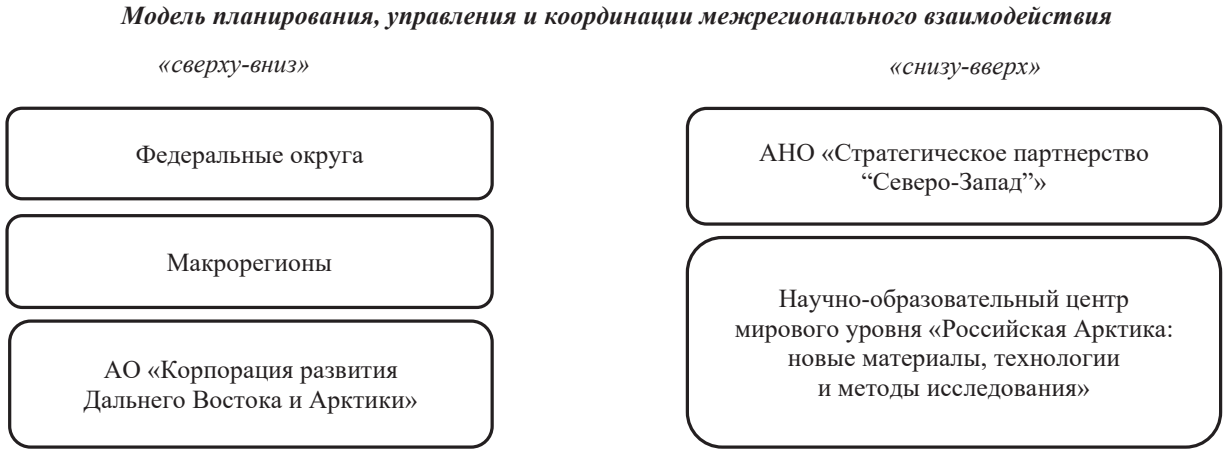

Рис. 2. Институты обеспечения пространственной интеграции регионов Европейского Севера России

Fig. 2. Institutions of spatial integration of regions in Russia’s European North

[25] Составлено автором.

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74

часть из них были организационными, просветительскими и носили преимущественно концептуальную степень проработки[26]. Иными словами, говорить об успешном опыте проработки и реализации с участием данной структуры межрегиональных инвестиционных проектов, к сожалению, не приходится. С 2021 года она находится на стадии ликвидации.

В свою очередь, созданные в 2000 г. ***федеральные округа*** также обладают ограниченным потенциалом для поддержки межрегиональных проектов, поскольку в своем арсенале они фактически не имеют необходимых для этого финансово-экономических инструментов. При полномочном представителе Президента РФ функционирует Координационный совет по приграничному и межрегиональному сотрудничеству СЗФО[27], по своим задачам ориентированный лишь на координацию деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, рассмотрение актуальных проблем в сфере реализации государственной политики и федерального законодательства о межрегиональном сотрудничестве в РФ и разработку предложений по их решению.

Созданные в 2019 году в рамках Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года ***макрорегионы*** фактически оказались декоративными элементами в системе стратегического планирования страны: за 2019–2024 гг. по отношению к ним не была сформирована и не реализовалась государственная политика, не были созданы организационные структуры управления: координационные органы, управляющие компании (администрации программ, корпорации развития) и пр.

На наш взгляд, наибольшим потенциалом для поддержки инвестиционных проектов межрегионального сотрудничества обладают Научно-образовательный центр (НОЦ) мирового уровня «Российская Арктика: новые материалы, технологии и методы исследования» и АО «Корпорация развития Арктики и Дальнего Востока».

Межрегиональный НОЦ мирового уровня «Российская Арктика…» был создан в 2019 году. Инициаторы – Архангельская, Мурманская области, Ненецкий автономный округ; участники – Республика Коми, Карелия. В состав НОЦ входят 52 участника: 15 университетов, 10 научных организаций, 6 некоммерческих организаций, в том числе 3 промышленных кластера и 21 предприятие реального сектора экономики, которые ведут свою хозяйственную деятельность в Арктике[28]. В качестве одной из его ключевых задач обозначена консолидация потенциала и ресурсов органов власти, бизнеса и науки для проработки и реализации совместных технологических проектов на приоритетных направлениях регионального развития. В настоящее время в портфеле имеется ряд региональных проектов за исключением проекта «Северный морской путь: модернизация и развитие транспортной инфраструктуры»[29]. Эффективность данной структуры как института интеграции научно-технологического и экономического пространства регионов Европейского Севера, на наш взгляд, в перспективе будет связана с формированием благоприятной институциональной среды в рамках деятельности НОЦ (бизнес-инкубаторов, акселераторов, технологических предпринимателей и проектного финансирования)[30].

Корпорация развития Арктики и Дальнего Востока (АО КРДВА) имеет реальные управленческие и финансовые полномочия для реализации межрегиональных проектов. В частности, АО КРДВА – управляющая компания Арктической

[26] Кожевников С. А. Пространственная интеграция экономики…

[27] Координационный совет по приграничному и межрегиональному сотрудничеству Северо-Западного федерального округа // Официальный сайт полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе. URL: http://szfo.gov.ru/sovet/org7/ (дата обращения: 01.11.2024).

[28] НОЦ «Российская Арктика» содействует решению задач Стратегии развития АЗРФ // GOARCTIC. URL: https://goarctic.ru/news/marat-eseev-nots-rossiyskaya-arktika-sodeystvuet-resheniyu-zadach-strategii-razvitiya-azrf/ (дата обращения: 01.11.2024).

[29] Научно-образовательный центр (НОЦ) мирового уровня «Российская Арктика: новые материалы, технологии и методы исследования». Технологические проекты. URL: https://secarctic.ru/technological-projects/ (дата обращения: 01.11.2024).

[30] Купцова И. В., Лактаева Н. Е. Перспективы имплементации зарубежного опыта к формированию экосистем научно-образовательных центров мирового уровня // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 2. С. 18–27. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-2-18-27

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74

зоны РФ (АЗ РФ) и территорий опережающего социально-экономического развития, свободного порта Владивосток в дальневосточных и арктических субъектах РФ. В субъектах ДВФО и АЗ РФ образованы дочерние общества и представительства управляющей компании.

Деятельность Корпорации ориентирована на предоставление мер поддержки в реализации проектов на территории преференциальных режимов, направленных на создание новых производств с высокой добавленной стоимостью, формирование высокотехнологичных наукоемких отраслей экономики, улучшение качества жизни населения. Для этого она может предоставлять налоговые льготы и административные преференции, создавать инженерную инфраструктуру для инвесторов, а также задействует механизмы ГЧП («дальневосточная и арктическая концессии»), помогает инвесторам найти профессиональные кадры. Также она содействует в продвижении на рынок наукоемких продуктов, услуг и в развитии научной, научно-технической кооперации участников проекта. В своей деятельности АО КРДВА активно сотрудничает с целым рядом партнеров, предоставляющих консалтинговые, юридические, страховые, финансовые и прочие услуги.

На данный момент, к сожалению, на федеральном и региональном уровнях ни «сверху», ни «снизу» не были созданы эффективные институты координации межтерриториального развития (пожалуй, за исключением для такой геостратегической территории, как Арктика), что ограничивает потенциал дальнейшей активизации интеграционных процессов на внутри- и межрегиональном уровнях.

Ограниченный интеграционный потенциал рассмотренных выше институтов и структур усугубляется также их слабым инструментальным обеспечением. При этом даже те немногочисленные инструменты активизации пространственной интеграции используются в недостаточной мере. Так, несмотря на то, что законодательство позволяет разрабатывать стратегии нескольких регионов, части субъекта РФ, данная практика носит крайне ограниченный характер (в качестве единственного примера здесь, пожалуй, можно привести лишь Стратегию социально-экономического развития Зауралья Республики Башкортостан до 2030 года и план мероприятий по ее реализации[31]; среднесрочную комплексную программу социально-экономического развития северо-востока республики Башкортостан на 2022–2024 годы[32], направленных на решение системных проблем данных территорий).

Несмотря на то, что с 2019 г. в законодательстве был закреплен механизм *горизонтальных субсидий*, которые предполагают возможность предоставления муниципальным образованиям субсидий из бюджетов других муниципалитетов[33] и могут выступить основой для финансирования совместных проектов, практика его использования имеет весьма ограниченный характер[34].

Вместе с тем следует отметить, что успешный, хотя и довольно ограниченный опыт реализации межрегиональных / межмуниципальных проектов обусловлен, в первую очередь, их активной поддержкой со стороны федеральных, региональных органов государственной власти, институтов развития, бизнес-структур сразу нескольких субъектов РФ. Например, в рамках соглашения о сотрудничестве между Корпорацией развития Республики Карелия и АНО Архангельской области «Агентство регионального развития» в настоящее время реализуются межрегиональный проект Архангельского водорослевого комбината, а также прорабатываются

[31] О Стратегии социально-экономического развития Зауралья Республики Башкортостан до 2030 года и плане мероприятий по ее реализации (утв. Постановлением Правительства Республики Башкортостан от 7 сентября 2022 г. № 516). URL: https://npa.bashkortostan.ru/36398/ (дата обращения: 01.11.2024).

[32] О Среднесрочной комплексной программе социально-экономического развития северо-восточных районов Республики Башкортостан на 2022–2024 годы (утв. Постановлением Правительства Республики Башкортостан от 9 сентября 2022 года № 538).

[33] Введены Федеральным законом от 02.08.2019 № 313-ФЗ в рамках внесения изменений в Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

[34] Здесь стоит отметить выделение бюджетных средств из ХМАО-Югра, ЯНАО и Тюменской, Томской области на строительство магистрали «Северный широтный коридор» общим размером 8,9 млрд руб.

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74

совместные проекты в лесопромышленном, горнопромышленном комплексе, экологии[35].

Реализация межмуниципальных проектов получила широкое распространение в рамках формирующихся городских агломераций. Развивается межмуниципальное сотрудничество входящих в состав Архангельской агломерации г. Новодвинска и Приморского муниципального округа при активном участии АО «Архангельский ЦБК» в части строительства автомобильных дорог, жилья, новых туристических объектов[36].

Таким образом, для масштабирования данных процессов очевидной становится необходимость обоснования стратегических приоритетов и инструментария обеспечения пространственной интеграции северных регионов, направленных на раскрытие конкурентных преимуществ основных участников такого взаимодействия, потенциала различного рода мест и восстановление на инновационной основе связей по линии «город-село».

Концептуальные основы стратегирования пространственной интеграции регионов Европейского Севера России

Важным этапом в стратегировании является ***анализ глобальных закономерностей и трендов***, которые в настоящее время или в перспективе могут существенно повлиять на потенциал развития северных регионов, их пространственной интеграции для реализации совместных стратегических возможностей (табл. 1[37]).

Эти глобальные тенденции находят свое отражение на отраслевом и региональном уровнях и должны быть учтены при обосновании стратегических приоритетов развития северных регионов России.

РЕЗУЛЬТАТЫ OTSW-АНАЛИЗА

Для обоснования стратегических приоритетов пространственной интеграции регионов Европейского Севера России необходимо проведение OTSW-анализа, который позволит выявить ***стратегические возможности***, обеспеченные конкурентными преимуществами и ресурсами. Остановимся более подробно на результатах такого анализа.

1. Стратегический ориентир на развитие в России экономики предложения, направленной на увеличение производства товаров и услуг для внутреннего рынка; рост добавленной стоимости, создаваемой в экономике страны путем раскрытия потенциала различных типов территорий, развития межрегиональной промышленной, научно-технологической и иной кооперации.

Одним из глобальных трендов последних лет является усиление геополитического противостояния, процессов деглобализации. Для России это вылилось в усиление конфронтации со странами коллективного Запада (в 2022–2024 гг. по отношению к России было введено свыше 19 тыс. санкций; страна является абсолютным лидером по данному показателю[38]). В этой ситуации ***стратегическая возможность*** для обеспечения пространственной интеграции субъектов Европейского Севера на меж- и внутрирегиональном уровнях связана с усилением санкционного давления на Россию, стимулирующим повышение эффективности использования внутренних факторов развития, к которым относится огромный, однако недостаточно эффективно используемый пространственный потенциал, потенциал развития внутреннего рынка, межрегиональной промышленной, научно-технологической и иной кооперации[39]. ***Угрозой*** является низкая емкость национального рынка,

[35] Корпорация развития республики Карелия и автономная некоммерческая организация Архангельской области «Агентство регионального развития» заключили соглашение о сотрудничестве. URL: https://kareliainvest.ru/mediacenter/news/korporatsiya-razvitiya-respubliki-kareliya-i-avtonomnaya-nekommercheskaya-organizatsiya-arkhangelskoi-oblasti-agentstvo-regionalnogo-razvitiya-zaklyuchili-soglashenie-o-sotrudnichestve?ysclid=m3in4t0cab615634124 (дата обращения: 10.11.2024).

[36] Первые лица города, комбината и Приморского округа обсудили новые партнерские проекты. URL: https://novadmin.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_402.html (дата обращения: 10.11.2024).

[37] Составлено автором.

[38] Russia Sanctions Dashboard. URL: https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard (дата обращения: 05.11.2024).

[39] Это является также одним из стратегических ориентиров в новой Концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года // Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/85fb48440f79df778539e0b215af5345/koncepciya_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda.pdf (дата обращения: 01.11.2024).

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74

Таблица 1. Глобальные тренды, влияющие на развитие северных регионов и потенциал обеспечения их пространственной интеграции

Table 1. Global trends that affect the development of Russia's European North vs. potential for spatial integration

Тренды	Содержание и их влияние
1. Технологические	Переход мировой экономики к VI технологическому укладу, внедрение цифровых и платформенных технологий, развитие ИКТ. Последнее изменяет традиционную модель добычи и переработки сырья: снижаются территориальные диспропорции между центрами добычи, переработки, роль и значение железнодорожного транспорта, повышается роль морской логистики; сокращается потребность в рабочей силе за счет автоматизации производств и т. п.
2. Политические	Усиление геополитического противостояния в мире; процессы деглобализации, распада мира на зоны влияния, усиление интеграционных процессов внутри этих зон.
3. Экономические	Урбанизация, исчерпание возможностей роста экономики за счет сырьевой модели экономики, снижение транспортных издержек. Формирование новых отраслей экономики на Севере («синяя», лесная биоэкономика, распределенная биопереработка, биотехнологии, разработка материалов для химической промышленности, промышленный Интернет вещей, фотоника).
4. Экологические	Истощение природных ресурсов, потепление климата, что проявляется в таянии вечной мерзлоты, повышении влияния данных процессов на ведение хозяйственной деятельности, особенно в зоне Севера и Арктики.

спрос ведущих отраслей на инновации ввиду низкоукладности экономики, что снижает потребность в межрегиональной кооперации и интеграции.

Сильной стороной является наличие сформировавшихся на Севере в советский период крупных межрегиональных территориально-производственных комплексов (Северная угольно-металлургическая база, Тимано-Печорский, Кольско-Карельский ТПК), которые сохранились к настоящему времени и технологически связывают отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности[40]. Наряду с этим Европейский Север обладает огромными запасами полезных ископаемых (лес, алмазы, металлы, нефть, газ, уголь[41]), которые являются сырьем для продукции дальнейших технологических переделов; сформировавшимся расселенческим и производственно-экономическим каркасом, узловые элементы которого имеют экономическую специализацию, базирующуюся на текущих конкурентных преимуществах. ***Слабой стороной*** является переориентация в постсоветский период значительной части ранее сформировавшихся внутренних экономических связей регионов на мирохозяйственные; это привело к трансформации системы разделения труда и разрушению существовавших кооперационных связей территорий, в том числе по линии «город-село», деградации экономического потенциала целого ряда мест (малых и средних городов, сельских территорий); «утяжелению» структуры экономики значительной части северных регионов России, повышению в ней доли сектора добычи и первичной переработки полезных ископаемых, снижению доли обрабатывающих производств, что объективно снижает потребность

[40] Кожевников С. А. Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 3(70). С. 23–36. https://doi.org/10.52897/2411-4588-2022-3-23-36

[41] В частности, порядка 2/3 площади Европейского Севера России занимают земли лесного фонда, запас древесины в расчете на 1 га площади лесов наиболее высок в Вологодской области (139,3 куб. м/га), в целом по Европейскому Северу – 78,3 куб. м/га, в среднем по России (70,2 куб. м/га). Архангельская область занимает 2 место в стране по учтенным запасам алмазов, которые составляют около 20 % общероссийских. Перспективным районом развития нефтегазодобычи является Ненецкий автономный округ, где сосредоточено около 50 % всех запасов нефти и 70 % газа Тимано-Печорской провинции (на саму провинцию приходится около 8 % общероссийских запасов нефти и 5,1 % газа). Балансовые запасы железных руд ЕСР (3,4 млрд т) составляют около 5 % запасов РФ; Территориальный состав, ЭГП и природно-ресурсный потенциал Европейского Севера. URL: https://cyberpedia.su/16x469a.html (дата обращения: 05.11.2024).

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74

в развитии межрегиональных кооперационных связей. Кроме того, существующие соглашения и договоры о межрегиональном сотрудничестве субъектов ЕСР зачастую носят довольно декларативный характер и имеют слабое инструментальное обеспечение такого сотрудничества.

2. Повышение геостратегической роли Арктики и регионов Европейского Севера России как «плацдарма» для ее комплексного освоения, контактной зоны континентальной и морской экономики.

Особая геостратегическая роль Арктики, в том числе в обеспечении национальной безопасности России, закреплена в федеральных документах стратегического планирования (Стратегия национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400), Стратегия научно-технологического развития РФ (утв. Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145), Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (утв. Указом Президента РФ от 26.10.2020 № 645).

В такой ситуации Европейский Север России также имеет высокий геостратегический потенциал, поскольку представляет собой «форпост» для реализации мегапроекта по освоению Арктики, а также часть его территорий непосредственно относится к АЗ РФ. Стратегически важным видится консолидация потенциала северных территорий в сфере науки и технологий (развитие методов строительства на мерзлых грунтах, разработка техники в северном исполнении; ведение северного промыслового, сельского и парникового хозяйства); в вопросах рационального природопользования и охраны окружающей среды (оптимизация поголовья оленей, обустройство прибрежной полосы и защита вод Белого моря), инфраструктурного развития (реанимация речного хозяйства, развитие сетевой инфраструктуры) и др.[42].

Кроме того, от границ Европейского Севера России начинается Северный морской путь как важнейшая арктическая морская коммуникация[43] (в 1991–2023 гг. объем перевозок грузов по нему увеличился в 7,6 раза: с 4,80 до 36,25 млн т[44]); здесь проходят Северная и Октябрьская железная дороги, связывающие пространство страны по линии «Север-Юг». Эти обстоятельства обусловливают стратегические возможности для обеспечения согласованного развития регионов Европейского Севера России. Угрозой является отсутствие в настоящее время в действующих документах федерального уровня признания стратегической роли и для северных территорий (по аналогии с арктическими), что ограничивает получение ими преференций для реализации стратегических проектов в интересах Арктики.

Сильной стороной является то, что при разработке региональных стратегий субъектов ЕСР был закреплен их «арктический вектор» развития, а также национальные интересы, локализованные в данных регионах[45], что соотносится с базовыми принципами стратегирования на региональном уровне[46]. Другим конкурентным преимуществом является наличие на Севере целого ряда институтов, научных центров и научных школ с профильными компетенциями (ФИЦ КарНЦ РАН, ФИЦ КНЦ РАН, ФИЦ Комплексного исследования Арктики имени академика РАН Н. П. Лаверова УрО РАН); институтов консолидации потенциала науки и бизнеса для реализации проектов в интересах Арктики (например, НОЦ мирового уровня «Российская Арктика…»). На Севере сосредоточены

[42] Лаженцев В. Н. Север и интеграция социально-экономического пространства (на примере Северо-Запада России) // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3(180). С. 48–56. https://doi.org/10.1134/S1075700720030107

[43] Алимурадов М. К., Горячева А. С., Курбацкий А. Н. Стратегические приоритеты развития структуры грузооборота морских портов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 97–112. https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.6

[44] Источники: сайт ЕМИСС. URL: https://rosstat.gov.ru/emiss (дата обращения: 05.11.2024); сайт Госкорпорации «Росатом». URL: https://rosatom.ru/ (дата обращения: 05.11.2024).

[45] Кожевников С. А. Проблемы Европейского Севера России и возможности его участия в развитии Арктической зоны РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 87–107. https://doi.org/10.15838/esc.2019.1.61.5

[46] Квинт В. Л., Новикова И. В., Алимурадов М. К. Согласованность глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами // Экономика и управление. 2021. Т. 27. № 11. С. 900–909. https://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-11-900-909

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74

профессиональные кадры с достаточно высоким уровнем производственных компетенций в части добывающих и перерабатывающих отраслей промышленности. ***Слабой стороной*** является определенная деградация кадрового и экономического потенциала субъектов Европейского Севера России, что связано с миграцией трудоспособного квалифицированного населения в центральные регионы страны (в 1990–2023 гг. численность населения ЕСР сократилась с 6152,5 до 4033,9 тыс. чел. или на 34,4 %); смещением «центра тяжести» самой экономики в более южные субъекты РФ (ЦФО, южные субъекты СЗФО); слабой трансляцией имеющихся научных заделов в реальный сектор экономики.

3. Переход мировой экономики к новому технологическому укладу, что обусловливает процессы активной цифровизации хозяйства, формирования на Севере отраслей «новой» экономики, в т. ч. на базе традиционных, позволяющих создать новые драйверы роста для данных территорий.

В настоящее время мировая экономика быстрыми темпами переходит к новому технологическому укладу, связанному с повсеместной цифровизацией, внедрением ИКТ и иных технологий[47]. Это так или иначе ведет к исчерпанию возможностей роста экономики за счет сырьевой модели, снижению транспортных издержек, изменению традиционной модели добычи и переработки сырья.

В такой ситуации стратегической ***возможностью*** является формирование на Севере новых отраслей экономики (голубая энергетика, биотехнологии, «синяя», лесная биоэкономика, продукция регенеративной медицины на базе глубокой переработки ЛПК, органическое сельское хозяйство и др.), которые базируются на существующих (например, отраслях добычи и первичной переработки) или проектируемых конкурентных преимуществах территорий. В этом плане интересен опыт Финляндии. ***Угрозой*** видится слабая институциональная и финансовая поддержка данных преобразований на федеральном уровне; сложность конкуренции на мировых рынках, поскольку другие страны уже ушли далеко вперед в данных вопросах, а также ввиду санкций; низкая ёмкость рынка России.

Сильной стороной является сохранение определенных компетенций в данных направлениях, действующих производств, где существует возможность проведения неоиндустриализации и перехода на новые виды производств. ***Слабой стороной*** выступают низкие затраты на НИОКР, консервация сырьевой направленности экономики Севера, недостаток высококвалифицированных кадров, организационной и финансовой поддержки проектов модернизации.

4. Климатические изменения, ведущие к таянию вечной мерзлоты, повышению влияния данных процессов на ведение хозяйственной деятельности в зоне Севера и Арктики.

Возможностью в таких условиях является рост транзитного потенциала Северного морского пути, более благоприятные условия для ведения сельского хозяйства, а угрозой – негативное их влияние в части таяния вечной мерзлоты на здания и сооружения, объекты другой инфраструктуры, здоровье населения, ведение хозяйственной деятельности.

Сильной стороной являются значительный транзитный потенциал Европейского Севера России и его прибрежной зоны; площади сельскохозяйственных земель, в настоящее время не вовлечённых в хозяйственный оборот (потенциал для развития органического сельского хозяйства). ***Слабой стороной*** выступает неподготовленность инфраструктуры, производств к данным климатическим изменениям.

Стратегические приоритеты и инструменты обеспечения пространственной интеграции регионов Севера

На основе анализа трендов, факторов внешней и внутренней среды для реализации выявленных нами возможностей были обоснованы следующие ***стратегические приоритеты обеспечения пространственной интеграции северных регионов***,

[47] Стратегирование экономического и инвестиционного развития Кузбасса / под ред. В. Л. Квинта. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2021. 364 с. https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2724-9

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74

подкрепленные конкурентными преимуществами и ресурсами (табл. 2[48]).

В первую очередь, целесообразным видится формирование эффективных институтов развития, ориентированных на консолидацию производственного и научно-технологического потенциалов северных регионов, усиление трансляции результатов НИОКР в реальный сектор экономики в целях производства продукции с высокой добавленной стоимостью. Вместе с тем проведенный анализ существующих в России институтов поддержки научно-технологической деятельности свидетельствует о том, что в отдельности они в принципе не позволяют реализовать все базовые процессы в генерации инноваций

Таблица 2. Соответствие стратегических приоритетов обеспечения пространственной интеграции регионов Европейского Севера России конкурентным преимуществам

Table 2. Strategic priorities for spatial integration of Russia's European North vs. competitive advantages

Стратегические приоритеты	Конкурентные преимущества
1. Формирование эффективных институтов развития, деятельность которых направлена на модернизацию традиционных и формирование отраслей «новой» экономики Севера, развитие межрегиональных цепочек создания добавленной стоимости на основе консолидации научно-технологического и производственного потенциала в интересах национального рынка, реализации мегапроекта по освоению Арктики	1. Значительные запасы полезных ископаемых, выступающих необходимым сырьем для производства продукции дальнейших технологических переделов. 2. Наличие крупных межрегиональных территориально-производственных комплексов, технологически связывающих отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности. 3. На Севере сосредоточены профессиональные кадры с достаточно высоким уровнем компетенций в отраслях, подкрепленных конкурентными преимуществами. 4. Наличие профильных институтов, научных центров и научных школ; формируются институты консолидации потенциала науки и бизнеса для реализации проектов в интересах Арктики.
2. Идентификация и стратегирование регионально-отраслевых приоритетов развития опорных населенных пунктов (городских агломераций, организующих населенных пунктов за их пределами) с учетом достижения долгосрочных задач развития страны и АЗ РФ	Сформировавшийся и довольно развитый по сравнению с Азиатским Севером расселенческий и производственно-экономический каркас, узловые элементы которого имеют экономическую специализацию, базирующуюся на текущих, перспективных или имеют потенциал для возрождения конкурентных преимуществ. Северные агломерации (Мурманская, Архангельская, Сыктывкарская, Петрозаводская, Вологодская, Череповецкая) концентрируют в себе значительный объем человеческих, производственных, инвестиционных и иных ресурсов, в результате чего они могут превратиться в центры роста национального и макрорегионального уровней, крупные узлы кластерно-сетевой модели пространственного развития ЕСР. Ряд малых и средних городов имеют потенциал для превращения в центры роста «новой» экономики на основе капитализации факторов первой и второй природы (по П. Кругману).
3. Развитие межмуниципального сотрудничества и восстановление производственно-экономических связей по линии «город-село» для вовлечения потенциала глубинных территорий	1. Развитая сеть малых и средних городов (к данной категории относится 61 из 68 городов ЕСР или 90 % их общего числа), являющихся организующими социально-культурными и производственно-экономическими центрами для огромных окружающих их территорий. 2. Данные города рассматриваются в качестве опорных в новой Стратегии пространственного развития, в связи с чем будут получать федеральную поддержку для развития инфраструктуры.

[48] Составлено автором.

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74

(преодолеть «долину смерти» в стадиях технологической готовности инновационного продукта (TRL)).

При этом «закрыть» все данные стадии, обеспечить большую организационную и институциональную гибкость может связка функционала научно-образовательных центров (НОЦ) и инжинирингового центра (ИЦ). Поэтому в инструментальном плане подобная связка может стать основой предлагаемого нами к созданию на базе межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия, федерального округа или Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики с расширением их функционала Центра проектирования вертикальной / сетевой интеграции. Ключевая задача данной структуры заключается в определении перспективных направлений диверсификации и модернизации экономики регионов на основе удлинения межрегиональных технологических цепочек, поиска новых производственных и продовольственных ниш путем консолидации потенциала территорий в рамках концепции «умной» специализации.

При этом нужно понимать и объективно оценивать потенциал всех типов территорий, их текущие и перспективные специализации. Именно эта потребность обеспечивает необходимость в условиях форсированного локационного сжатия Севера реализации второго приоритета, связанного с идентификацией и стратегированием регионально-отраслевых приоритетов развития опорных населенных пунктов (городских агломераций, организующих населенных пунктов за их пределами), которые могут стать и центрами локализации отдельных звеньев данных технологических цепочек в рамках развития вертикальной интеграции производств и сложившихся энергопроизводственных циклов (для традиционных отраслей экономики), узлами сети для развития инновационных видов деятельности[49].

Инструментом реализации третьего приоритета, направленного на обеспечение пространственной интеграции на внутрирегиональном уровне, является межмуниципальное сотрудничество, позволяющее на новой технологической основе восстановить производственно-экономические связи по линии «город-село» для вовлечения потенциала глубинных территорий в целях достижения стратегических задач развития макро- и регионального уровня.

Практическая реализация данных приоритетов актуализирует задачу разработки организационно-экономического механизма обеспечения пространственной интеграции, базирующегося на проактивной роли государства, использовании новых институтов развития и координации деятельности основных участников при реализации программ и стратегических проектов.

ВЫВОДЫ

В современных геополитических условиях становится очевидным, что в противовес конкуренции гораздо большего эффекта можно достичь через объединение конкурентных преимуществ соседних регионов посредством развития межрегионального сотрудничества и стимулирования пространственной интеграции.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Пространственная интеграция представляет собой высшую стадию «сращивания» региональных социально-экономических систем, обеспечиваемую не только за счет активизации хозяйственно-производственных связей регионов, но и сотрудничества в научно-технологической, инфраструктурной, социокультурной и других сферах, ведущих к формированию новой пространственной социально-экономической системы. Европейский Север России имеет объективные предпосылки для обеспечения пространственной интеграции в целях реализации совместных стратегических возможностей развития. Вместе с тем показано, что существующее институционально-правовое и инструментальное обеспечение стратегирования пространственной интеграции северных регионов не позволяет создать благоприятные условия для консолидации и рационального использования имеющегося у регионов потенциала.

[49] Цивилев С. Е. Стратегические направления достижения агломерационных эффектов // Стратегирование: теория и практика. 2024. Т 4. № 3. С. 284–297. https://doi.org/10.21603/2782- 2435-2024-4-3-284-297

На основе анализа трендов, факторов внешней и внутренней среды были обоснованы стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов, создание центра проектирования вертикальной / сетевой интеграции, деятельность которого направлена на развитие межрегиональных цепочек создания добавленной стоимости на основе консолидации научно-технологического и производственного потенциала территорий; идентификация и стратегирование регионально-отраслевых приоритетов развития опорных населенных пунктов, являющихся точками локализации звеньев таких цепочек; развитие межмуниципального сотрудничества по линии «город-село» для вовлечения потенциала глубинных территорий. Перспективы исследования видятся в обосновании мероприятий по имплементации данных приоритетов в систему стратегирования пространственной интеграции на федеральном и макрорегиональном уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

Алимурадов М. К., Горячева А. С., Курбацкий А. Н. Стратегические приоритеты развития структуры грузооборота морских портов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 97–112. https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.6

Богомолова А. А. Горизонтальные межбюджетные трансферты как инструмент финансового взаимодействия регионов и муниципальных образований // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. 2022. № 1(40). С. 12–18. https://doi.org/10.21777/2587-554X-2022-1-12-18

Гнездова Ю. В. Мягкое территориальное сотрудничество: принципы и особенности // Цифровое пространство: экономика, управление, социум: сборник научных статей IV Всероссийской научной конференции, Смоленск, 21 июня 2022 года. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2022. С. 36–41.

Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. 170 с. https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2562-7

Квинт В. Л. К анализу формирования стратегии как науки // Вестник ЦЭМИ. 2018. № 1. https://doi.org/10.33276/S0000121-6-1

Квинт В. Л. Разработка стратегии: мониторинг и прогнозирование внутренней и внешней среды // Управленческое консультирование. 2015. Т. 79. № 7. С. 6–11.

Квинт В. Л., Новикова И. В., Алимурадов М. К. Согласованность глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами // Экономика и управление. 2021. Т. 27. № 11. С. 900–909. https://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-11-900-909

Кожевников С. А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3(573). С. 84–107. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107

Кожевников С. А. Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 3(70). С. 23–36. https://doi.org/10.52897/2411-4588-2022-3-23-36

Кожевников С. А. Проблемы Европейского Севера России и возможности его участия в развитии Арктической зоны РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 87–107. https://doi.org/10.15838/esc.2019.1.61.5

Купцова И. В., Лактаева Н. Е. Перспективы имплементации зарубежного опыта к формированию экосистем научно-образовательных центров мирового уровня // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 2. С. 18–27. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-2-18-27

Лаженцев В. Н. Арктика и Север в контексте пространственного развития России // Экономика региона. 2021. Т. 17. № 3. С. 737–754. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-2

Лаженцев В. Н. Север и интеграция социально-экономического пространства (на примере Северо-Запада России) // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3(180). С. 48–56. https://doi.org/10.1134/S1075700720030107

Новикова И. В. Основные ошибки применения теории стратегии и методологии стратегирования В. Л. Квинта в научных исследованиях // Теория и практика стратегирования: V Международная научно-практическая конференция. Московский университариум стратега: сборник избранных научных статей: в 2 книгах, Москва, 17–18 февраля 2022 года. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова Издательский Дом, 2022. С. 40–43.

Самылина В. Г., Гительман Е. Б. Современное состояние природных ресурсов Европейского Севера России // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2015. № 1(6). С. 175–184.

Сасаев Н. И., Квинт В. Л. Стратегирование промышленного ядра национальной экономики // Экономика промышленности. 2024. № 17(3). С. 245–260. https://doi.org/10.17073/2072-1633-2024-3-1349

Стратегирование экономического и инвестиционного развития Кузбасса / под ред. В. Л. Квинта. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2021. 364 с. https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2724-9

Фролов Д. П., Мирзоев Р. С., Горшкова Н. П. Институционализация межрегиональных взаимодействий в контексте пространственных трансформаций экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. Т. 7. № 8(101). С. 28–36.

Цивилев С. Е. Стратегические направления достижения агломерационных эффектов // Стратегирование: теория и практика. 2024. Т 4. № 3. С. 284–297. https://doi.org/10.21603/2782- 2435-2024-4-3-284-297

Экономическая и финансовая стратегия / В. Л. Квинт [и др.]; под науч. ред. В. Л. Квинта. М.: Издательство Московского университета, 2024. 247 с.

Concept of polycentricity-the differences between development policies and spatial reality / V. Živanović [et al.] // Journal of the Geographical Institute “Jovan Cvijić” SASA. 2021. Vol. 71. № 1. P. 75–90. https://doi.org/10.2298/IJGI2101075Z

ESPON ACTAREA: Thinking and planning in areas of territorial cooperation European Atlas of Soft Territorial Cooperation / Gløersen E. [et al.]. 2017.

Meijers E., Waterhout B., Zonneveld W. Polycentric development policies in European countries: an introduction // Built Environment. 2005. Vol. 31. P. 97–102. https://doi.org/10.2148/benv.31.2.97.66255

Networking of small cities to gain sustainability / Z. Mingaleva [et al.] // Entrepreneurship and Sustainability. 2017. Vol. 5. № 1. P. 140–156. https://doi.org/10.9770/jesi.2017.5.1(12)

Panagiotopoulos G., Kaliampakos D. Accessibility and spatial inequalities in Greece // Applied Spatial Analysis and Policy. 2019. Vol. 12. № 3. P. 1–20. https://doi.org/10.1007/s12061-018-9256-8

Peripheralisation of small towns in Germany and Japan – dealing with economic decline and population loss / P. Wirth [et al.] // Journal of Rural Studies. 2016. Vol. 47. P. 62–75. https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2016.07.021

Polycentric urban development and its determinants in China: a geospatial big data perspective / L. Yongqiang [et al.] // Geographical Analysis. 2021. Vol. 53. P. 520–542. https://doi.org/10.1111/gean.12236

REFERENCES

Alimuradov MK, Goryacheva AS, Kurbatskiy AN. Strategic priorities for the Russian seaports cargo turnover structure development. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2021;14(4): 97–112. (In Russ.) https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.6

Bogomolova AA. Horizontal interbudgetary transfers as an in-strument of financial interaction between regions and municipalities. Economics and Management. 2022;1(40):12–18. (In Russ.) https://doi.org/10.21777/2587-554X-2022-1-12-18

Frolov DP, Mirzoev RS. Institutsionalizatsiya mezhregional′nykh vzaimodeystviy v kontekste prostranstvennykh transformatsiy ehkonomiki [Institutionalization of interregional interactions in the context of spatial transformations of the economy]. National Interests: Priorities and Security. 2011;7(8):28–36. (In Russ.)

Gløersen E, Wergles N, Corbineau C, Hans S, Haxhija S, Foresight S. [et al.] ESPON ACTAREA: Thinking and planning in areas of territorial cooperation European Atlas of Soft Territorial Cooperation. 2017.

Gnezdova JuV. Soft territorial cooperation: principles and characteristics. Digital space: economy, management, and society: Proceedings of the IV All-Russian Scientific Conference (June 21, 2022). Smolensk: Smolensk State University; 2022. P. 36–41.

Kozhevnikov SA. Peculiarities of the development of the Northern territories of the North-Western federal district and the problems of ensuring the integration of the macro-region space. Economy of the North-West: Problems and Prospects of Development. 2022;3(70):23–36. (In Russ.) https://doi.org/10.52897/2411-4588-2022-3-23-36

Kozhevnikov SA. Problems of the European North of Russia And The Possibilities of its participation in the development of the Arctic zone of the Russian Federation. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019;12(1):87–107. (In Russ.) https://doi.org/10.15838/esc.2019.1.61.5

Kozhevnikov SA. Spatial integration of the economy: theoretical concepts and problems of implementation at the regional level. ECO. 2022;3:84–107. (In Russ.) https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107

Kuptsova IV, Laktaeva NE. Prospects for the implementation of foreign experience in the formation of ecosystems of world-class scientific and educational centers prospects for the implementation of foreign experience in the formation of ecosystems of world-class scientific and educational centers. State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021;2:18–27. (In Russ.) https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-2-18-27

Kvint VL, Alimuradov MK, Astapov KL, Alekseev GF, Bagaev DV, Boksgorn AA [et al.] Strategizing of Kuzbass region economic and investing development. Kemerovo: Kemerovo State University; 2021. 364 p. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2724-9

Kvint VL, Novikova IV, Alimuradov MK, Arshinova AI [et al.]. Economic and financial strategy; ed. VL Kvint. Moscow: Publishing House of the Moscow University; 2024. 247 p. (In Russ.)

Kvint VL, Novikova IV, Alimuradov MK. Alignment of global and national interest with regional strategic priorities. Economics and Management. 2021;27(11):900–909. (In Russ.) https://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-11-900-909

Kvint VL. Development of strategy: Scanning and forecasting of external and internal environments. Administrative Consulting. 2015;79(7):6–11. (In Russ.)

Kvint VL. The Concept of Strategizing. Kemerovo: Kemerovo State University; 2022. 170 p. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2562-7

Kvint VL. To the analysis of the formation of a strategy as a science. Vestnik TSEHMI [Bulletin of the Central Institute of Economics and Mathematics]. 2018;(1). (In Russ.) https://doi.org/10.33276/S0000121-6-1

Lazhentsev VN. The Arctic and the North: A Russian Spatial Development Context. Economy of region. 2021;17(3):737–754. (In Russ.) https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021–3-2

Lazhentsev VN. The North and the integration of socio-economic spaces: an example in the Russian Northwest. Studies on Russian Economic Development. 2020;31(3):277–283. (In Russ.) https://doi.org/10.1134/S1075700720030107

Meijers E, Waterhout B, Zonneveld W. Polycentric development policies in European countries: an introduction. Built Environment. 2005;31:97–102. https://doi.org/10.2148/benv.31.2.97.66255

Mingaleva Z, Sheresheva M, Oborin M, Gvarliani T. Networking of small cities to gain sustainability. Entrepreneurship and Sustainability. 2017;5(1):140–156. https://doi.org/10.9770/jesi.2017.5.1(12)

Novikova IV. The main mistakes in applying the theory of strategy and methodology of strategizing of Vladimir L. Kvint in scientific research. Strategizing: Theory and Practice: V International Research-to-Practice Conference (February 17–18, 2022). Moscow Strategic Universitarium: 2-book collection of selected research articles. Book I. Moscow: Moscow University Press; 2022. P. 40–43. (In Russ.)

Panagiotopoulos G, Kaliampakos D. Accessibility and spatial inequalities in Greece. Applied Spatial Analysis and Policy. 2019;12(3):1–20. https://doi.org/10.1007/s12061-018-9256-8

Samylina VG, Gitel'man EB. Sovremennoe sostoyanie prirodnyh resursov Evropejskogo Severa Rossii [Current state of natural resources of the European North of Russia]. Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya [Innovative economy: Prospects for development and improvement]. 2015;1(6):175–184. (In Russ.)

Sasaev NI, Kvint VL. Strategizing the industrial core of the national economy. Russian Journal of Industrial Economics. 2024;17(3):245–260. (In Russ.) https://doi.org/10.17073/2072- 1633-2024-3-1349

Tsivilev SE. Strategizing Directions for Agglomeration Effects. Strategizing: Theory and Practice. 2024;4(3):284–297. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2782-2435-2024-4-3-284-297

Wirth P, Elis V, Müller B, Yamamoto K. Peripheralisation of small towns in Germany and Japan – dealing with economic decline and population loss. Journal of Rural Studies. 2016;47:62–75. https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2016.07.021

Yongqiang L, Zongmin L, Changcheng K, Xinqi Z. Polycentric urban development and its determinants in China: a geospatial big data perspective. Geographical Analysis. 2021;53:520–542. https://doi.org/10.1111/gean.12236

Živanović V, Pavlović M, Kovjanić A, Tošić D, Krstić F. Concept of polycentricity-the differences between development policies and spatial reality. Journal of the Geographical Institute "Jovan Cvijić" SASA. 2021;71(1):75–90. https://doi.org/10.2298/IJGI2101075Z

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и/или публикации данной статьи.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кожевников Сергей Александрович, заведующий Центром исследования пространственного развития социально-экономических систем, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия, e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru; https://orcid.org/0000-0001-9063-6587

CONFLICT OF INTERESTS: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and/or publication of this article.

ABOUT AUTHOR: Sergei A. Kozhevnikov, Head of the Center for the Study of Spatial Development of Socio-Economic Systems, Leading Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia, e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru; https://orcid.org/0000-0001-9063-6587